Отвѣтъ на отзывъ о генералѣ Лепарскомъ, сдѣланный въ біографіи ссыльнаго Сухинова.

Въ книжкѣ Русскаго Архива нынѣшняго года, № 4-й и 5-й, помѣщена біографія какого-то темнаго, *внѣшняго* декабриста Сухинова, въ которой сдѣланъ отзывъ о бывшемъ Нерчинскомъ комендантѣ, Станиславѣ Романовичѣ Лепарскомъ, діаметрально противоположный тому, какой сдѣланъ о немъ мною въ характеристикѣ Императора Николая, напечатанной въ той же книжкѣ. Такое полное противорѣчіе въ показаніяхъ объ одномъ и томъ же лицѣ обратило на себя вниманіе читателей и заставило не одного изъ нихъ спрашивать у меня объясненій. А потому я считаю обязанностью устранить по этому предмету всѣ недоразумѣнія, чтобы, *во-первыхъ*, защитить самого себя отъ незаслуженнаго недовѣрія и, *во-вторыхъ*, очистить память одного изъ достойнѣйшихъ людей своего времени отъ брошенной въ него грязи.

Историкъ Сухинова, разсказывая объ экзекуціи, совершенной, по приговору суда, надъ взбунтованными этимъ героемъ каторжниками, представляетъ Лепарскаго *расхаживавшимъ отъ одной кобылы до другой и громко требовавшимъ отъ палачей, чтобъ они били какъ можно сильнѣе!* Далѣе, этотъ историкъ, по свидѣтельству, неизвѣстно откуда взятому, какого-то поручика Рика и непоименованнаго Нерчинскаго полицеймейстера, говоритъ, что на обѣдѣ (послѣ экзекуціи) у начальника Нерчинскихъ заводовъ, Фриша, Лепарскій спокойно расказывалъ, что *это уже не первая экзекуція, что въ подобныхъ дѣлахъ онъ участвовалъ въ Чугуевскомъ возмущеніи.*

Не говоря уже о сбивчивости показаній въ этой статьѣ, гдѣ Рикъ названъ сперва штабъ-офицеромъ, бывшимъ предсѣдателемъ слѣдственной коммиссіи и суда, а потомъ является поручикомъ (безъ объясненія этого двуличія) и гдѣ въ приведенномъ приговорѣ суда ничего не говорится о разстрѣляніи, а потомъ преступники разстрѣливаются,—трудно понять, на что понадобилась автору такая возмутительная на Лепарскаго клевета. Допустивъ въ немъ даже неумѣренное сочувствіе къ своему герою,—ска-

зать мимоходомъ, авантюристу, способному не на подвигъ, а только на преступленіе,—все-таки нельзя извинить въ исторической статьѣ фактовъ, принятыхъ безъ строгой ихъ провѣрки. А въ доказательство того, что факты приняты авторомъ безъ всякой повѣрки, я могу представить свидѣтельство, не допускающее никакого сомнѣнія.

Какъ сказано въ статьѣ моей объ Императорѣ Николаѣ, я началъ свое служебное приготовленіе въ Сѣверскомъ конноегерскомъ полку, подъ командою Лепарскаго. Это было въ 1819 году, по выпускѣ моемъ изъ Московскаго университетскаго пансіона. Полкъ этотъ входилъ въ составъ дивизіи, начальникомъ которой былъ дядя мой, Д. М. Юзефовичъ *). Квартира, какъ дивизіоннаго, такъ и полковаго штабовъ находилась въ Ельцѣ, почему я и былъ порученъ моимъ дядей попеченію Лепарскаго. Чугуевское возмущеніе случилось въ томъ же году. Слѣдовательно, еслибы Сѣверскій полкъ или лично Лепарскій участвовали, хотя бы и до прибытія моего, въ усмиреніи Чугуевскихъ безпорядковъ, то я бы не могъ не знать о томъ. Но я положительно утверждаю, что ни полкъ, ни командиръ его Лепарскій не принимали въ этомъ дѣлѣ ни малѣйшаго участія. Скажу даже, что, при отсутствіи въ то время всякой гласности, у насъ въ полку объ этомъ происшествіи не было и рѣчи.—Затѣмъ: вслѣдствіе Чугуевскихъ безпорядковъ, по усмиреніи ихъ, мой дядя былъ вызванъ въ Петербургъ, и уланская дивизія, гдѣ они случились, отдана была подъ его начальство. Отправившись къ новому посту, въ началѣ 1820 года, дядя взялъ меня съ собою, и мы вмѣстѣ прибыли въ Чугуевъ, на свѣжіе слѣды бывшаго тамъ происшествія. Здѣсь, разумѣется, я подробно узналъ о немъ. Эти подробности такъ грустны, что у меня нѣтъ охоты возобновлять о нихъ воспоминаній. Скажу только, что наказанія превышали всякую мѣру нужной строгости. Но исполнителемъ ихъ было лице, присланное изъ Петербурга; орудіемъ же исполненія была пѣхота, а не кавалерія и, стало-быть, не Сѣверскій полкъ, не Лепарскій.

Послѣ такого легкомысленнаго показанія, стòитъ ли опроверженія остальная клевета?—Вѣроятно ни Рикъ, ни Нерчинскій полицеймейстеръ тутъ ни при чемъ, а разсказъ принадлежитъ какому-нибудь охотнику до небылицъ и либералу, въ родѣ Репетилова. Но какъ же можно принимать всякія встрѣчныя сплетни, взявшись за историческое изслѣдованіе хотя бы и жизни Сухинова? Не хочется думать, чтобы эта клевета выходила изъ среды декабристовъ,—людей, павшихъ жертвою ложныхъ и преступныхъ стремленій, но тѣмъ не менѣе честныхъ и благородныхъ. Къ сожалѣнію, однакожъ, и въ ихъ семьѣ, по пословицѣ, не безъ урода. Я самъ былъ однажды свидѣтелемъ, помнится въ 1829 г., какъ въ присутствіи нѣсколькихъ декабристовъ, обѣдавшихъ у меня и у Льва Пушкина, съ которымъ мы вмѣстѣ жили, одинъ изъ

*) Тоже воспитанникъ Московскаго университетскаго пансіона.

нихъ, разумѣется, не *изъ серьозныхъ*, сталъ разсказывать о пыткахъ, которымъ подвергали его въ Петропавловской крѣпости. Помню негодованіе, охватившее все общество его товарищей. Оно было такъ внушительно, что неосторожный разскащикъ небывальщины долженъ былъ уйдти, не докончивъ обѣда.

Изъ такого же источника, пожалуй, могла выйдти и ложь, пущенная въ ходъ о Лепарскомъ. Я приведу здѣсь нѣсколько чертъ, могущихъ обрисовать вѣрно его почтенный образъ и дать возможность самимъ читателямъ разрѣшить: былъ ли онъ способенъ прогуливаться отъ одной кобылы къ другой и громко требовать, чтобы палачи били какъ можно сильнѣе.

Въ то время, какъ я писалъ эти строки, меня посѣтилъ, очень кстати, одинъ изъ *подлинныхъ* декабристовъ, Н. И. Л—ръ, находившійся, во время подвига Сухинова *), въ Читинскомъ острогѣ. Вотъ что онъ мнѣ сообщилъ, по свѣдѣніямъ, до нихъ тогда дошедшимъ: Лепарскій находился при экзекуціи, вслѣдствіе полученнаго имъ на то формальнаго предписанія. Уѣзжая изъ Нерчинска послѣ экзекуціи, онъ заѣхалъ на кладбище, гдѣ были погребены казненные, поклонился ихъ праху и проговорилъ: «не я виноватъ въ вашей смерти, васъ казнилъ законъ».—Отъ этого лица я узналъ еще слѣдующую черту. Старикъ однажды тяжело занемогъ. Когда онъ сталъ поправляться, докторъ сказалъ, что хорошо бы ему теперь пить по рюмочкѣ стараго венгерскаго, еслибы можно было достать его.—У меня есть бутылка, замѣтилъ Лепарскій, но я далъ себѣ слово выпить ее только тогда, когда буду праздновать освобожденіе нашихъ несчастныхъ,—и не тронулъ этой бутылки. А вотъ что сообщала мнѣ другая личность, тоже изъ круга *подлинныхъ* декабристовъ,—одна изъ возвратившихся, послѣ смерти мужа, нашихъ героинь супружескаго долга: когда Лепарскій прибылъ на свой постъ, всѣ сперва думали, что онъ присланъ Государемъ для точнаго примѣненія къ преступникамъ карательной строгости, и потому, когда Лепарскій обходилъ домъ, съ *визитами*, онѣ принимали его стоя, какъ ссыльные начальника. Старикъ конфузился и не зналъ какъ ему быть: приглашать сѣсть прежде ихъ, тоже находилъ неприличнымъ, и такимъ образомъ, оканчивалъ визиты стоя. Наконецъ, онъ сталъ имъ жаловаться на неблагосклонность ихъ пріемовъ. По этому поводу Нарышкина замѣтила ему, что такъ-какъ онъ посѣщаетъ ихъ не иначе, какъ въ мундирѣ, то онѣ и принимаютъ его какъ начальника. — «Помилуйте, сударыня, отвѣчалъ ей Лепарскій,—развѣ въ Петербургѣ я посмѣлъ бы явиться къ вамъ иначе? А для меня, что̀ въ Петербургѣ, что̀ здѣсь, вы одна и та же особа».—Вотъ случай, еще болѣе характеристическій изъ Сибирской служебной практики Лепарскаго, расказанный мнѣ тою же дамой. Однажды до него дошло, что въ острогѣ С. громко и рѣзко отзывается о предметахъ, не подлежащихъ кри-

*) Надо замѣтить, что Сухинова само правительство не пріобщало къ средѣ декабристовъ: онъ содержался въ Нерчинскѣ, а не въ Читѣ.

тикѣ ссыльныхъ. Старикъ позвалъ его къ себѣ и, представивъ ему всю неумѣстность подобныхъ выходокъ, замѣтилъ, что онъ можетъ этимъ повредить не только себѣ, но и своимъ товарищамъ: «Донесутъ и меня, пожалуй, смѣнятъ, а вамъ пришлютъ другаго, почище меня». С. извинялся тѣмъ, что онъ подверженъ накопленію желчи и что иногда ему нѣтъ мочи воздержаться.—«Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ Лепарскій, покорнѣйше прошу прислать мнѣ сказать, что вамъ нужно со мной видѣться. Вы пожалуйте ко мнѣ, и вотъ здѣсь, въ кабинетѣ, можете ругаться, сколько вамъ будетъ угодно. Здѣсь васъ никто не услышитъ и вы никому не сдѣлаете вреда своею невоздержностью». Покойный З. Г. Чернышевъ разсказывалъ мнѣ, между прочимъ, что въ первое время, когда они носили кандалы, ножныя кольца цѣпей были приспособлены такъ, что на ночь можно было ихъ снимать, и что это облегченіе, по всей вѣроятности, было не случайнымъ, *а допущеннымъ*. С. Г. Волконскій и С. П. Трубецкій подтвердили мнѣ сказанное Чернышевымъ.

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь нѣсколько изъ моихъ личныхъ воспоминаній объ этомъ замѣчательномъ, по душѣ и сердцу, человѣкѣ. Всѣ начальствовавшія лица, начиная съ шефа полка, Великаго Князя Николая Павловича, оказывали ему глубокое уваженіе и дружбу. Великій Князь всегда писалъ ему въ письмахъ: любезнѣйшій другъ Станиславъ Романовичъ. Корпусный командиръ, Н. М. Бороздинъ, вспыльчивый и во фронтѣ неукротимый, никогда не позволялъ себѣ возвысить противъ него голосъ. Случилось разъ только, что онъ готовъ былъ забыться; но старикъ, хотя отъ лѣтъ тяжелый и не быстрый на конѣ, въ карьеръ подскакалъ къ нему и остановилъ его въ виду всего полка. Дядя мой, человѣкъ серьозный и по службѣ строгій, обращался съ Станиславомъ Романовичемъ чуть не какъ младшій съ старшимъ,—съ такимъ изысканнымъ вниманіемъ, какого мнѣ не случалось видѣть, съ его стороны, ни къ кому другому. Всѣ офицеры полка питали къ старику сыновнюю привязанность. Полкъ этотъ пользовался отличною славой и въ него стекалась молодежь изъ лучшихъ тогдашнихъ воспитательныхъ заведеній — изъ пажескаго корпуса, изъ Царскосельскаго лицея, изъ университетскихъ пансіоновъ и т. д. Полкъ былъ въ отмѣнномъ порядкѣ: дисциплина была въ силѣ, потому что сознавалась и уважалась, а не вынуждалась. Вслѣдствіе прекраснаго состава офицеровъ, честь полка цѣнилась высоко и поддерживала въ каждомъ правила благородства. Но, разумѣется, безъ молодыхъ проказъ не обходилось, и вотъ какъ Лепарскій распоряжался въ такихъ случаяхъ. Къ нему собирались, обыкновенно, къ обѣду всѣ наличные офицеры, какъ въ клубъ. Старикъ всегда былъ со всѣми привѣтливъ, но иногда, бывало, онъ начнетъ съ кѣмъ - нибудь особенно любезничать. Это значило, что предметъ такого особеннаго любезниченья что-нибудь напроказничалъ и что ему готовится головомойка. Въ шуткахъ про то, про сё, иногда даже про любовь, старикъ бралъ собесѣдника подъ

руку и начиналъ съ нимъ расхаживать; потомъ, думая, что дѣлаетъ незамѣтно, уводилъ его, черезъ длинный рядъ комнатъ, въ самую крайнюю, гдѣ былъ его кабинетъ, вездѣ запирая за собою двери. Тамъ ужь онъ пріосанивался и начиналъ вопрошать: «помилуйте, что̀ вы тамъ надѣлали»? и проч. и проч. Но шалуны и тутъ открыли средство отдѣлываться отъ затруднительныхъ объясненій. Стоило только начать громко отвѣчать. Старикъ тотчасъ прерывалъ разговоръ. «Помилуйте, съ вами говорить нельзя. Вы такъ кричите, что всѣ услышатъ. Подите себѣ, подите»,—и тѣмъ же порядкомъ выводилъ виноватаго; но у входа въ общую залу снова̀ бралъ его подъ руку и продолжалъ съ нимъ любезности, чтобы другіе не догадались, въ чемъ было дѣло, хотя этотъ маневръ всѣмъ былъ очень хорошо извѣстенъ. Для тѣхъ, кто не зналъ Лепарскаго, такой способъ взысканій можетъ показаться не только не дѣйствительнымъ, но даже забавнымъ до смѣшнаго. А на дѣлѣ онъ имѣлъ дѣйствительную силу. Достаточно было того, что старику сдѣлался извѣстенъ проступокъ, и всякій провинившійся охотно предпочелъ бы гнѣвъ начальника и формальный арестъ снисходительности, отъ которой становилось не ловко на душѣ. Я говорю по опыту, самъ испытавъ это чувство раза два-три.

Таковъ былъ Лепарскій здѣсь и въ Сибири, и такого человѣка, *а не палача*, избралъ Государь Николай Павловичъ, чтобъ облегчить участь людей, которыхъ, какъ Царь, не могъ не карать, но, какъ человѣкъ, не презиралъ и сострадалъ имъ, по-христіански. И Лепарскій вполнѣ оправдалъ выборъ Государя: онъ съумѣлъ согласить долгъ съ христіанскимъ милосердіемъ. Всѣ безъ исключенія декабристы, съ которыми я встрѣчался, по возвращеніи ихъ изъ Сибири, и изъ которыхъ нѣкоторые прожили съ Лепарскимъ все время его грустной, хотя и не безотрадной миссіи, отъ начала до его кончины,—всѣ отзывались мнѣ о немъ съ глубокимъ уваженіемъ и сердечною благодарностью. Одно только нравственное ничтожество могло оскорбить его память.

М. Юзефовичь.

впослѣдствіи на 60 страницахъ особой нумераціи въ концѣ третьей части позднѣйшаго изданія 1783—1787 годовъ (у Сопикова № 10945).

Всѣ эти три изданія перепечатаны слово въ слово (но безъ прибавленія девяносто одной пьесы при третьей части) въ Новиковскомъ изданіи 1780-го года (у Сопикова № 10945). Сверхъ того, Новиковъ собралъ и издалъ части пятую и шестую; каждая содержитъ въ себѣ по 200 пѣсней.

Итакъ,	въ первомъ изданіи	800	пѣсенъ
	во второмъ	»	891	»
	Новиковскомъ	»	1200	»
	послѣднемъ	»	891	»

Слѣдуетъ, что для полноты собранія нужно имѣть:

1) Новиковскій пѣсенникъ въ шести частяхъ.

2) Третій томъ Петербургскій 1776-го года или третій томъ Московскій 1783-го года.

ЭС.

Библіографическая замѣтка.

Въ 7-мъ выпускѣ Р. Архива сего года находится статья, подъ слѣд. заглавіемъ: *Исторія перваго энциклопедическаго лексикона въ Россіи*; въ ней дѣло идетъ объ энциклопедическомъ лексиконѣ Плюшара, начатомъ въ С.-Петербургѣ въ 1835 году и прекратившемся съ изданіемъ 17-го тома въ 1841 году. Статья озаглавлена не точно: Петербургскій лексиконъ Плюшара не былъ первенцомъ энциклопедическихъ лексиконовъ въ Россіи; уже прежде этого издавались два, оба въ нашей Москвѣ:

A) Пространное поле, обработанное и плодоносное, или всеобщій историческій словарь изъ наилучшихъ авторовъ, какъ Россійскихъ, такъ и иностраннымъ, выбранный, сочиненный и по азбучнымъ словамъ расположенный П. П. священникомъ Іоанномъ Алексѣевымъ.

Томъ I. Москва, въ университетской типографіи, у В. Окорокова. 1793, въ 8 д. Двѣ гравюры, XVI страницъ предувѣдомленія и XV стр. оглавленія.

Часть I. Тома II. Москва, въ Университетской типографіи, у Ридигера и Клаудія. 1794. въ 8 д. XVII страницъ оглавленія.

Сверхъ того первый томъ на 783-хъ стр. содержитъ въ себѣ 422 статьи подъ буквою А; второй томъ на 1037 страницахъ 450 статей подъ буквою Б. Статьи эти самаго разнообразнаго содержанія, такъ что словарь напрасно названъ на заглавномъ листѣ *историческимъ*; изъ нихъ многія касаются предметовъ чисто-отечественныхъ и дотолѣ мало затронутыхъ; вообще это чрезвычайно замѣчательный трудъ, который принесъ бы въ свое время огромную пользу просвѣщенію, еслибы былъ доведенъ до конца алфавита и распространенъ въ обращеніи. Замѣтимъ мимоходомъ, что о священникѣ Іоаннѣ Алексѣевѣ и его трудахъ не упомянуто въ Словарѣ митрополита Евгенія издателями онаго, Снегиревымъ и Погодинымъ.

b) Энциклопедическій словарь, предпринятый въ годахъ 1820—1825, типографщикомъ Селивановскимъ въ Москвѣ. Его отпечатано было 3 тома въ 8 д.; но они никогда не выходили въ свѣтъ. вѣроятно уничтожены и сдѣлались библіографическою рѣдкостію первой степени. Вотъ описаніе сохранившагося у меня экземпляра; онъ, кажется, полнѣе даже экземпляра Императорской библіотеки въ С.-Петербургѣ.

Часть 1-я. Заглавнаго листа нѣтъ; 746 страницъ, на которыхъ первая статья о

буквѣ А, а послѣдняя *Августинъ* архіепископъ. Затѣмъ слѣдуетъ, на страницахъ 747-ой—752-ой оглавленіе первой части, прерванное на словѣ *Аммонъ*.

Часть 2-я. Заглавнаго листа нѣтъ; 734 страницы; на нихъ первая статья *Андантe*, а послѣдняя *Баяццо;* затѣмъ, на страницахъ 735—736, оглавленіе второй части, прерванное у меня на словѣ *Апостолы*.

Часть 3-я. Первая статья—*Беатификація*; заглавнаго листа нѣтъ; эта часть въ моемъ экземплярѣ кончается 800-ою страницею, на которой послѣдняя статья: *Бургундія*. Прервана на словахъ: *усиливаясь раз*.

Селивановскій, кажется, печатая книгу въ своей типографіи, не испрашивалъ оффиціальнаго разрѣшенія у цензурнаго комитета, но частно подвергалъ томы предварительному просмотру Московскихъ цензоровъ, своихъ пріятелей. Какъ человѣкъ съ достаточными денежными средствами, онъ этимъ способомъ надѣялся имѣть возможность выпустить всѣ томы вдругъ, что́ особенно важно въ видахъ торговыхъ, когда дѣло идетъ о справочной книгѣ, расположенной по алфавиту.

Здѣсь статьи, большею частію переводныя изъ Corversation-Lexicon и подобныхъ книгъ. Надъ переводомъ трудились, (по стольку-то за листъ рублей ассигнац.) многіе тогдашніе Московскіе юноши, впослѣдствіи выдвинувшіеся впередъ или разбогатѣвшіе.—Русскихъ оригинальныхъ статей мало, да и тѣ менѣе своебытны и занимательны, чѣмъ статьи почтеннаго Алексѣева.

Печатаніе энциклопедическаго лексикона продолжалось, на сколько мнѣ извѣстно, до 1826 года. Я тутъ вскорѣ отлучился изъ Москвы и не слѣдилъ болѣе за его судьбами, такъ что мнѣ неизвѣстны дальнѣйшія. Желательно бы узнать о причинахъ, заставившихъ Селивановскаго прекратить предпріятіе, и о томъ, что́ постигло отпечатанные экземпляры.

ЭС.

По поводу статьи Греча о Плюшарѣ и объ Энциклопедическомъ лексиконѣ.

(*Русскій Архивъ*, *1870*, *вып. 7.*)

Послѣ смерти Александра Плюшара, типографія его перешла къ его вдовѣ и сыновьямъ. У меня есть книги, въ ней напечатанныя въ началѣ двадцатыхъ годовъ (напр. «Nouvelles méditations poétiques» и «La mort de Socrate», Ламартина) съ сигнатурою: «Saint-Pétersbourg, imprimerie de M-me veuve Pluchard et fis».

При самомъ началѣ «Энциклопедическаго Лексикона», статьи для него переводились наскоро, и печатные листы иностранныхъ подлинниковъ, безъ начала и конца, раздавались для перевода на руки молодымъ людямъ, лишь бы сколько-нибудь грамотнымъ и понимавшимъ по-французски или по-нѣмецки. Они въ свою очередь, если не успѣвали кончить къ сроку работы, передавали часть ея во вторыя и третьи руки знакомымъ. Такъ попались какіе-то лоскутки для перевода даже братьямъ моимъ и мнѣ, бывшимъ тогда мальчикамъ отъ 15 до 11 лѣтъ. Итакъ, я могу считать себя чѣмъ-то въ родѣ сотой доли сотрудника въ первомъ томѣ «Энциклопедическаго Лексикона» Плюшара.

Когда назначено было первое собраніе сотрудниковъ его у Греча, для выбора главнаго редактора «Лексикона», Пушкинъ утромъ написалъ Одоевскому слѣдующее: «Ѣдете ли вы на совѣщаніе къ «Гречу? Если да, то отправимся вмѣстѣ;

«одному ѣхать страшно: пожалуй, по«бьютъ».

Исторію, какъ Сенковскій написалъ ругательную статью на «Лексиконъ», а потомъ испугался и не напечаталъ ея, слышалъ я отъ самого Плюшара. Не мало слышалъ я разсказовъ и объ отношеніяхъ его съ Булгаринымъ.

Я зналъ хорошо Адольфа Александровича Плюшара. Особенно часто видался я съ нимъ въ 1841—1842 годахъ. Онъ жилъ тогда въ Средней Подъяческой, близь Большаго театра, около котораго группировались всѣ главные интересы нашего тогдашняго кружка театраловъ, непремѣнныхъ посѣтителей балета и оперы (въ то время Русской и Нѣмецкой всегда съ танцами, а еще не Итальянской). Плюшаръ жилъ тогда вмѣстѣ съ Львомъ Ивановичемъ Шарпантье, воспитанникомъ знаменитаго Фильда, занимавшимъ тогда, подъ именемъ Леонова, амплуа перваго тенора въ Русской оперѣ. Въ качествѣ перваго пѣвца и очень красиваго молодаго человѣка, Леоновъ былъ въ то время за кулисами великимъ «плѣнителемъ сердецъ» и большимъ нашимъ пріятелемъ.

Плюшаръ былъ человѣкъ умный, предпріимчивый и рѣшительный. Онъ имѣлъ отличныя манеры и всѣ признаки хорошаго воспитанія. Подъ учтивою и скромною наружностію въ немъ скрывалось много настойчивости и энергіи. Дѣла его тогда были уже очень плохи; но это повидимому нисколько не смущало его; онъ бодро боролся съ невзгодами и измышлялъ средства для поправленія дѣлъ. За давностію лѣтъ, я не помню въ чемъ они состояли; но помню, что Плюшару приходилось безпрестанно ходить изъ за нихъ по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ, должностнымъ лицамъ, книжнымъ лавкамъ и пр. Въ иное утро случалось ему обходить пѣшкомъ полъ-города по грязнымъ (въ то время) улицамъ Петербурга, и все таки онъ умѣлъ какъ-то возвращаться домой такимъ же чистенькимъ, какимъ онъ выходилъ изъ дому. А одѣвался Плюшаръ щеголевато, и парикъ его былъ всегда причесанъ волосокъ къ волоску. Помнится, въ концѣ 1842 года хлопоталъ онъ объ изданіи сборника переводныхъ съ французскаго языка статей, подъ заглавіемъ: «Сорокъ сороковъ повѣстей, тысяча анекдотовъ» и пр., или что-то подобное. Сборникъ этотъ началъ дѣйствительно выходить. Въ числѣ переводчиковъ были молодые люди, тогда темные, но пріобрѣтшіе въ послѣдствіи литературную извѣстнотть, какъ напр. Григоровичъ, жившій одно время съ Леоновымъ и Плюшаромъ.

Покойный Надеждинъ, по привычкѣ своей подвергать иностранныя имена грубому обрусѣнію (напр. Емиль де Жирарденъ—прозывался у него «Емелькой» и т. п.), называлъ Плюшара: «Плюхардій».

Брошюра Греча, вышедшая въ концѣ 1838 или началѣ 1839 года подъ заглавіемъ: «О четырнадцатомъ томѣ Энциклопедическаго Лексикона», доселѣ у меня гдѣ-то хранится. Живо помню, какъ эта отповѣдь Сенковскому поразила многихъ; тогда этотъ шарлатанъ, употреблявшій исключительно во зло свои познанія и дарованія, былъ могучею силою въ Петербургской литературѣ и журналистикѣ, и прямое нападеніе на него казалось чуть не дерзостію.

Все это прошло давнымъ давно. Полагаю, что это соображеніе позволяетъ привести и мелкія черты изъ этого прошедшаго, память о которомъ такъ скоро у насъ изглаживается.

26 Іюня 1870 года, *Михаилъ Лонгиновъ.*